

Александр Пшеничный



СОСЕДИ В ПОЛОСОЧКУ

Рассказы о животных

Александр Пшеничный

**Соседи в полосочку.
Рассказы о животных**

«Издательские решения»

Пшеничный А. В.

Соседи в полосочку. Рассказы о животных / А. В. Пшеничный —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748530-6

В дачном домике у леса живут две семьи: пенсионер Иван Кузьмич с женой и семейство бурундучков с детишками под половицами дома. Когда бурундуки ссорятся и громко пищат, люди стучат по полу — и шум утихает. Когда пререкаются и громко спорят люди, из щели пола появляется бурундучиха Варвара и укоряет дачников недовольным попискиванием. Хозяева улыбаются и мирно идут пить чай. В книге представлены пятнадцать невымышленных остросюжетных историй о взаимоотношениях людей и животных.

ISBN 978-5-44-748530-6

© Пшеничный А. В.
© Издательские решения

Содержание

Ее прислали небеса	6
Рыжики	8
Заяц Монте-Кристо	11
Шрек	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Соседи в полосочку
Рассказы о животных
Александр Владимирович Пшеничный
© Александр Владимирович Пшеничный, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ее прислали небеса

Автобус неожиданно притормозил у развилки, по обочине к двери заторопилась старушка в старомодном пальто с норковым воротником и шалью, густо присыпанной снегом. Крупная серо-черная собака, похожая на волка, двумя мощными прыжками догнала хозяйку и с любопытством уставилась в проем открытой двери.

– Сильва, додому! – старуха оглянулась на собаку. – Чуешь, що кажу? Сьогодні вэрнусь, ковбаски тобі привезу...

Устрашающие челюсти с огромными клыками сомкнулись, собака вильнула хвостом и отошла на пару шагов от дороги.

Бабка прошла по салону и остановилась возле меня: «Били вас сисы можно?»

– Ваша собака? – спросил я у усевшейся соседки. – Злющая, наверное? Клыкищи как у тигра, а глаза умные.

– Цей собака вже два роки зи мною, та я до сих пир його боюсь, – старуха поставила сумку между ног и бросила в нее поводок от собачьего ошейника. – Хоча бояться немає чому. Добришойи тварыны я николи не бачыла...

Под шуршание шин и рокот двигателя я услышал историю встречи двух глубоко одиноких душ и чудесного исцеления от неизлечимой болезни.

В переводе с суржика рассказ пожилой женщины звучал так:

«От этой развилки к моему дому час ходу. Хата у самого леса. Тяжело мне одной – мужа давно похоронила, а деток Господь не дал. В селе осталось пять человек – таких же одиноких старух, как и я. Многих дети в город увезли, но сельска людына без земли умирает быстро.

Летом жить можно, о болезнях думать некогда, а вот зимой... зимой тяжело. Газа в селе нет. А угля по нынешним ценам не напасешься. Лес выручает, но заготовить дрова ой как трудно. Особенно когда колени огнем пекут, а в позвоночник словно гвоздей дюжину заколо-тили. И так много лет.

Врачи помочь не могут. Говорят, что боли в позвоночнике от какой-то редкой нервной болезни. Спасибо добрым людям: дали адрес екстрасенса в городе. Я к ней сейчас и еду. Поводит руками по коленям, разомнет – мне и легче. Но ненадолго. А боли в позвоночнике снять никак не получалось. Но спасибо и за колени.

Позапрошлой зимой пошла я в лес за хворостом. В хате вода уже замерзать начала. Насоби-рала охалку и связала веревкой. А поднять на плечи никак не могу: боль все силы вытянула.

Слышу какой-то рык за спиной. Оглянулась и обомлела. То ли волк, то ли собака метрах в трех от меня стоит, из пасти клыки с мизинец торчат, загривок взъерошен, взгляд дикий: вот-вот на меня кинется. И рычит страшно. Я хотела что-то крикнуть, но онемела от ужаса.

Выдернула дрючок из вязанки и швырнула в эту напасть. Смотрю, зверюка сжалась, а потом как прыгнет на меня! Закружилось и померкло все в голове. Помню только, как начала падать навзничь.

Не знаю сколько времени прошло, но чувствую – что-то теплое по лицу перекачивается, словно по щекам свечой водят.

Открыла глаза и вижу: стоит надо мною собака и лижет языком лицо. Села я на снег, не пойму – то ли видение такое, то ли на самом деле. Собака подошла к хворосту, ухватила клычищами веревку и потянула вязанку в сторону, откуда я пришла. Я встала и поплелась за ней. Так к хате и пришли.

Уже дома с удивлением почувствовала – спина не болит! Совершенно. Даже приятно как-то внутри. И колени вроде меньше ноют.

Завела собаку в хату и дала ей поесть – кашу, притрушенную шкварками. Она три миски как за себя опрокинула. Подошла ко мне и уткнулась страшной мордой в колени. Ласки просит. А я гладить-то ее боюсь. Уж слишком вид грозен: клыки в разные стороны, шерсть клоками, глаза злющие-презлющие. Но погладила в конце концов.

На следующий день мне в Харьков к экстрасенсорше ехать нужно. Пошла я к развилке, а собака за мной. Увидела, как я в автобус села, и побежала в сторону села.

Рассказала я о неожиданном излечении экстрасенсорше, а она улыбается: «Страх твой позвоночник вылечил. Жаль, что артриту это не поможет... Имя сучке дала?»

Я мотнула головой: «Еще нет. Да и не знаю, вернется ли?»

– Если вернется, назови ее Сильвой и обязательно купи что-нибудь вкусенького в награду за излечение. Я вчера в театре Музкомедии оперетту «Сильва» смотрела. До сих пор мелодии напеваю.

Поздним вечером вышла я из автобуса – кругом ни души. Побрела к родному селу, фонариком дорожку подсвечиваю. Слышу, кто-то меня сзади за полу тянет. Оглянулась – собака моя.

– Сильва! Ты!? – она радостная такая. Вокруг меня прыгает, норовит лицо лизнуть. На имя свое сразу откликнулась. Слово ее так раньше и называли. Дома вынула из сумки связку ливерной колбасы. Себе немного отрезала, остальное Сильве. Ест она и что-то урчит про себя, словно собачью песенку напевает. А морда довольная и совсем не страшная.

С тех пор живет она в старом сарае. Днем в хату пускаю. Работаю по хозяйству и с ней разговариваю. Мне кажется она все понимает.

Раньше боялась в лес ходить, при каждом стуке вздрагивала. А с Сильвой мне ничего не страшно. Вдвоем хворост тащить легче, да и вязанки побольше скручиваю. Ее мне небеса послали.

Бывает позовет кто-нибудь из родственников умершего покойника обмыть, ко встрече с Богом новопреставленного подготовить. Раньше иду в соседнее село и только и думаю: не замерзнуть бы в пути. Ноги еле-еле волочу. А с Сильвой другое дело. Экстрасенсорша моей собаке ошейник с поводком подарила. Сильва впереди бежит и меня за собой тянет. Отдохнем посреди дороги и снова в путь.

Не раз и не два заводила я разговоры со стариками в округе, но никто о Сильве ничего не знает. Летом у нас дачник живет – огородом и пасекой занимается. Собак каких-то чудных во дворе держит. Говорят, он в них разбирается. Смотрел он на мою Сильву, смотрел, но породу так и не определил. Сказал, что волчья помесь у нее точно есть. Но такие собаки обычно с жестким характером, своенравные, агрессивные. А Сильва – добрейшей души псина, но чужого в хату не пустит. Как рыкнет и клыки оскалит – сердце в пятки уходит. Хату я уже давно на замок не закрываю...»

На автовокзале мы вышли из автобуса и какое-то время шли вместе. На витрине зоокиоска сверкнула оберткой упаковка собачьего корма. Я купил упаковку и вложил в руки неожиданной попутчице: «Это вашей собаке от меня – послеливерный десерт. Она его заслужила».

– Спасибо, – старуха улыбнулась и положила пакетик в сумку.

Рыжики

Я пристально всмотрелся в даль проспекта, нащупывая глазами желто-зеленое пятно моей маршрутки. Но под лужами молочных облаков в мареве дороги мелькали букашки авто совсем других цветов.

– Огоньком поможете? – мужской голос за спиной заставил оглянуться.

В глубине остановки на скамейке сидел молодой рыжий бомж, прижавшись спиной к железному боку кондитерского киоска. В правой руке парень вертел незажженную сигарету, а левой ласково поглаживал выглядывающую из полурасстегнутой ветровки голову красивой янтарно-белой кошки.

Внизу на тротуарной плите рыжий котенок с белыми носочками играл со шнурками потертых кроссовок хозяина.

– Твои? – я щелкнул зажигалкой и указал глазами на животных.

– Мои, – парень улыбнулся, нащупал рукой тельце котенка и перенес живой клубок на плотно набитый рюкзак, лежащий неподалеку. На солнце рыжий комочек сладостно свернулся колечком. Чудовищно грязные пальцы бомжа пощекотали котенка за ушками.

Кошки ничуть не смущались дорожно-остановочной суетой и умильно блаженствовали, чувствуя любовь и защиту хозяина.

Что-то растормошило мою душу, я вынул из бумажника десятку и протянул бомжу: «Возьми на сигареты, приятель!»

Парень опасливо оглянулся и повертел огненной головой: «Спасибо, но курить у меня есть...».

– Ну, тогда кошкам что-нибудь купи, – я сунул купюру в замусоленный карман ветровки. – Сам-то, харьковский? Ночевать есть где?

– Из Старых Валок. Это в часе от города. Я там прописан у родственников. Раньше в Харькове жил с бабушкой в трехкомнатной квартире. Но бабушка умерла, а дядя продал квартиру...

– С тобой хоть поделился?

– Нет, договорился только с родственниками, они меня и приписали. Комнатку в хате выделили, но в доме я на птичьих правах...

– Зовут-то как? сколько лет? чем в жизни занимаешься?

– Валерой меня зовут. Недавно двадцать восемь исполнилось. А занимаюсь – картон, металл. Что соберу, то и мое. Меня и моих кошек сборщики картона больше Рыжиками называют. Так и говорят: «Вон Рыжики пошли».

– Я слышал, у вас территории поделены. В чужом дворе могут и по шапке надавать?

Глаза Валеры округлились: «Ничего подобного! Я по всему городу кочую. Есть, конечно, любимые точки, но больше недели в одном районе не бываю. Обожаю перемены и новые места. И кошки мои тоже. Души у нас цыганские.

– Постоянно с ними ходишь? Зачем они тебе?

– Зачем? Сам не знаю. Просто люблю животных. Они ведь беззащитны перед нами. Всяк их может обидеть. В квартире у бабушки жило много кошек, питбультерьер и даже попугай. Пришлось всех раздать по знакомым.

Моей красавице скоро год, – Валера почесал рыжую мурлыку за мордочкой. – Я ее на Залютино нашел котенком. Умирала в кустах от какой-то болезни. Дышала тяжело. Взял на руки и отнес в ветеринарную клинику. Все припасенные деньги на ее лечение ушли. Но все равно не хватило. Спасибо ветеринару. Последние уколы он делал бесплатно.

С тех пор мы никогда не разлучаемся, разве когда в туалет захожу. Кошка сторожит рюкзак и сумки. Чуть что – спину выгибает и шипит на всех, кто к вещам приближается.

– Чем же ты кормишь? И как их зовут?

– Кошачий корм «Мяу» покупаю. Ну, и что Бог пошлет. Едим вместе, но им в первую очередь. Бывает, сам не доем, но кошки голодными ночевать не ложатся. А имена? У них нет имен. Я-то и свое редко слышу. Да и зачем им имена? Мы и так друг друга с полувзгляда понимаем. Бывает, подумаешь что-нибудь, а кошка уже в глаза смотрит. Улыбается или хмурится. Одобряет или осуждает.

От края остановки к нашей скамейке подошла дама в широкой шляпе и большой хозяйственной сумкой в руках.

– Какие замечательные кошечки! – лицо дамы расплылось в умильной улыбке. – Вы их продаете, молодой человек?

Валера инстинктивно прикрыл котенка большой грубой ладонью: «Нет! Нет! Это мои друзья».

– Тогда возьмите это, – дама одобрительно кивнула и протянула Валере заранее приготовленные деньги. – Купите что-нибудь себе и кошечкам.

Валера испуганно оглянулся, нехотя взял две купюры в десять и двадцать гривен – и спрятал их в карман ветровки. Дама отошла на остановку, продолжая искоса поглядывать на странного рыжего бомжа и его янтарных кошек.

– Не люблю деньги от людей брать, но и отказать неудобно, – Валера снова почесал котенка за ушком. – Мне часто деньги предлагают. Брал их всегда охотно. Пока однажды у меня от зависти, а может по злобе, не украли мою кошку.

– Украли? Кому она нужна?

– Этой весной с одним мужчиной я вместе металл собирал. Курили мы как-то на большом бетонном блоке в городском парке, а тут женщина, ну, как эта дамочка, подошла и протягивает мне пятьдесят гривен на корм кошке. Когда женщина ушла, напарник неожиданно вскочил, выдернул из-за пазухи кошку, толкнул меня в грудь и убежал за деревья. От неожиданности я свалился с блока, пока встал на ноги и сообразил в чем дело, напарника уже и след простыл.

– Горевал, наверное? Кошка-то, поди, уже другом стала?

– А вы как думаете? Одиноко сразу стало. Как она с другим человеком жить будет? Ведь кроме меня, она никого не знала. Обычно я долго к одному месту не привязываюсь. Но однажды пришлось мне пару недель в одном из парков под кустом ночевать. Слишком уж это место моей кошке приглянулось. Любила она его. По ночам выпрыгнет из моей куртки и всю территорию вокруг обследует. Мурлычет что-то от удовольствия. Вот под этим кустом я девять дней ночевал. А на десятый прихожу под куст, а моя кошка с дерева на меня прыгнула. Убежала, видимо, от нового хозяина и нашла наше любимое место. Как же мы радовались! Утром я ей банку рыбных консервов купил. Дорогуших!

А вскоре я второго котенка у бомжей выкупил. Они его вьетнамцам в общежитие несли. Наверное, на съедение. Вьетнамцы только не привитых кошек покупают. Жалко мне его стало. Моя кошка вначале котенка не принимала. Шипела и норовила расцарапать лапой. Пришлось носить их в разных сумках. Но со временем привыкла, и даже полюбила. Сейчас словно о родном котенке заботится. Хотя ни разу не рожала.

– Сегодня в городе, наверное, ночевал? На скамейке?

– В Харькове я работаю. А ночую в селе в своей комнате. С родственниками я не в ладах, поэтому кошек в доме оставить не могу. Так и ношу их с собой.

Но иногда приходится ночевать в городе. Не на скамейках – люди всегда рядом ходят, шумно, да и милиция может скрутить. В кустах спокойнее и безопасней. На землю расстилаю большой синтетический мешок, а укрываюсь клеенкой. Под ней даже мелкий дождик не стра-

шен. Кошки побегают вокруг часик-два и ко мне на грудь укладываются. Спим и друг друга согреваем.

– Женат был? Дети есть? – я с любопытством рассматривал лицо Валеры. В его спокойных глазах мерцали лучики доброты и порядочности. Нашему разговору от силы пятнадцать минут, за такое время человека, конечно, не узнаешь. Но вот если бы пришлось мне в эту минуту доверить на час чемодан с деньгами – рискнул бы оставить его Валере. Если бы он скрылся – тогда верить в этой жизни нельзя никому.

– Женат никогда не был, а детей иметь хочу.

Мне, как сироте, квартира положена. Рабочая профессия у меня есть. Вот только паспорт и все документы сгорели. Восстановить их все никак не решусь, да и деньги нужны.

– Решайся скорее. Не всю же жизнь тебе с кошками носиться и под кустами ночевать. На прием к мэру запишись. Может он с жильем и с работой поможет. Но не в таком виде, – я кивнул на расшнурованные кроссовки. И как можно жить без книг, газет и компьютера? Ты же сам себя обкрадываешь.

– Компьютера у меня нет, а книги почти каждый день читаю. У базарных букинистов напрокат беру, – чувствуя недоверие на моем лице, Валера расстегнул карман рюкзака и вынул две потрепанные книжки в мягких обложках.

«Сто лет одиночества» и «Полковнику никто не пишет» – сверкнули знакомые названия.

– Маркесом вот увлекся. Сначала не понимал, а сейчас нравится, – бомж посмотрел мне в лицо, его явно интересовала моя реакция.

Я одобрительно кивнул: «А я Жоржи Амаду в твои годы зачитывался. Рекомендую. Он и Маркес – писатели из одной обоймы. Заинтересуешься – начни с „Мертвого моря“. О море, по-моему, никто лучше не писал, оно у Амаду живое. Ты на море был?»

– Не был, но очень хочу...

Зелено-желтый бок моей маршрутки мелькнул в проеме остановки.

– Мне пора, – я на ходу открыл бумажник и сунул в карман Валеры две двадцатигривневые купюры. – Купи что-нибудь почитать. И берись за ум: еще немного и из плена метала и картона ты уже не выберешься...

В салоне маршрутки кто-то потянул меня за рукав. Соседка по подъезду жестом предложила сесть рядом: «Кому ты такие деньги даешь?»

– Бомжа с кошками встретил, представляешь, он на себе их носит, а перед сном в кустах книги читает.

– И ты ему веришь? Все равно деньги пропьет. Им лучше по мусоркам шататься, чем работать.

Я промолчал и задумался.

Более ста лет назад по дорогам Российской империи бродил странный долговязый юноша. В босяцкой котомке он носил только хлеб и книги. А через полвека в рюкзаке другого молодого бородатого мужчины в кубинских горах не было ничего, кроме нескольких сухарей, книг и патронов к автомату. Одного из них звали Алексеем Пешковым, а второго Эрнесто Че Гевара. Нет, бомжи, берущие книги напрокат и выкупающие приговоренных на смерть кошек, приходят в наш мир не просто так. По крайней мере, хочется в это верить.

Заяц Монте-Кристо

*Ко всякому созданию Божию не лих будь
Из «Домостроя»*

– Вас беспокоит медсестра из операционной Виктора Федоровича, – в трубке телефона звенел колокольчик приятного женского голоса. – Звоню по его поручению. Доктор на срочной операции. На встречу одноклассников он обязательно приедет, а пока передает привет всему 10-Б.

– Мне неловко за опоздание, – уже вечером на террасе кафе оправдывался Виктор, – душой я уже был с вами, но пришлось оперировать нашего районного олигарха и его водителя. Машина на скорости перевернулась. Переломы не сложные, но опасные. А виной всему... заяц, причем одноухий.

– Заяц? Одноухий? – насторожился я.

– Да, заяц. Местная элита прошлой ночью решила развлечься. Пострелять по живым мишеням. Есть в районе один сельхозпредприниматель. Время от времени устраивает для избранных ночную охоту. Специальное авто оборудовал. Купил высоченный джип и на его крыше установил лампы дальнего света. Если желающих поохотиться много, то подготавливает вторую машину. С УАЗика снимают брезентовый тент, на дугу каркаса прикрепляют фары «хамелеон» с мощным голубым светом.

В джипе открывают окна и выезжают в ночное поле после уборки урожая. Ночью из лесов на кормежку выходят зайцы, лисы, кабаны, волки и даже лоси. Поворачивают машины так, чтобы животное попало в световой поток, и преследуют обезумевшего от страха зверя, паля из всех стволов.

Животные почему-то не ускользают в темноту, а продолжают бежать по свету фар, обрекая себя на гибель. Кому смех, а кому и смерть.

«Охотники» съезжаются к условленному месту. Часто с молодыми спутницами. Тосты, визги, громкий смех, щелканье впустую курками. Ближе к полуночи занимают места в машинах. Двое стрелков стоят с ружьями в УАЗике, опираясь на стойку. За рулем профессиональные водилы или кто-нибудь из выпившей компании.

Стреляют ради удовольствия в приступе кровавого азарта. Убитых или раненых зайцев и лис не подбирают. Для них это мелочь, главное – охотничий азарт.

Но в эту ночь для некоторых взошла черная луна, а для нее разницы между охотниками и дичью нет. Лучи фар выхватили из темно-серой вуали убегающего зайца. У него не было уха. И бежал он странно, словно чуял спасение в темноте. Боковыми прыжками уклонялся от пуль, прижимался к левому краю светового коридора, а когда машины в азарте домчались до каменистого участка между полями, внезапно прыгнул вправо.

Водитель рывком повернул руль, джип наскочил на камень и перевернулся. Вот такая рокировка охотников и жертв.

Когда я гипс накладывал, водитель мне все и рассказал. Важный урок он получил. Хотя людей и жалко, но заяц молодец. Эдакий Монте-Кристо нашего лесничества.

«Монте-Кристо?» Что-то улыбнулось в моей душе. Несколько лет назад я гладил этого «графа» по спине и чесал шерстку за его единственным ухом.

Утром я ошаршил соседку: «Тетя Поля! Мазайка жива!»

Старушка подалась назад и уперлась в стену коридора: «Жива? Ты что-то знаешь?»

За чаем на ее кухне, я рассказал все, что услышал вчера об одноухом зайце и его следователях.

– Да, это она, моя Мазайка! Жива моя одноушка, я чувствую, и район совпадает, – чашка в руке соседки задрожала, – сон мне вчера снился. Мазайка прискакала, в глазах слезы, смотрит испугано, словно защиты просит. А я почему-то вытянула правую руку в сторону, – Мазайка туда и прыгнула. И исчезла, словно в воздухе растворилась. Помнишь, как я принесла ее домой, и мы промывали огрызок ее уха?

В то памятное утро Полина Ивановна работала на огороде за городом, когда услышала за спиной громкий собачий лай. Что-то теплое и липкое прижалось к ноге. Это был зайчонок, из обрывка его уха капала на землю кровь. Видимо, его только что отгрызли бродячие собаки. Женщина тяткой отогнала псов и прижала дрожащий комочек к груди. Зайчонок пискнул и уткнул мокрый нос в человеческую ладонь.

Ухо долго не заживало. Моя жена, медсестра, ежедневно накладывала повязки, с улыбкой наблюдая, как привязывается соседка к зайчонку. Наконец, рана затянулась.

Тетя Поля назвала одноухого Мазаем в честь славного заячьего спасителя.

Соседка жила одиноко, давно похоронив мужа. Детей не было. Ее нереализованная материнская любовь выплеснулась на Мазая.

Заяц подрастал, придавая хозяйке новые проблемы. Все провода, сетевые шнуры и антенный кабель соседка подвешивала на бечевках высоко от пола. Пластмассовые оболочки проводов стали для Мазая главным заячьим деликатесом. Даже удар током не отучил косоного от любимой привычки. Каких только веточек не подкладывали зайцу в надежде, что он оставит провода в покое, – ничего не помогало. Мало того, Мазай открыл для себя вкус постельных покрывал, частенько выгрызая в них огромные дыры.

А тут новая беда. Летом тетя Поля выводила зайца на прогулку, а зимой, убрав в гостиную коврик, разрешала Мазаю вволю прыгать по полу.

Однажды Мазай по обыкновению увлекся прыжками, сильно оттолкнулся задними лапами, а передние заскользили по скользкому паркету и разъехали в стороны. Заяц кувыркнулся и ударился спиной о ножку стола.

Ветеринар определил перелом позвоночника и наложил гипс: «Жить будет, и даже бегать, только сейчас ему нужен покой».

К лету Мазай поправился и понемногу стал на лапы.

Зато здоровье Полины Ивановны ухудшилось. Сдали ноги, тревожило сердце. Как-то после сердечного приступа она позвонила в зоопарк в надежде пристроить Мазая. Но там ей ответили, что своих зайцев полно, а вашего можем взять только по цене мяса в пищу для удава.

Никто не хотел приютить Мазая. И только в станции юных натуралистов согласно улыбнулись в ответ на ее просьбу.

Так Мазай попал в заботливые руки юннатов. Каждую неделю Полина Ивановна навещала любимца, балуя отборными овощами. Он узнавал ее и озорно прыгал перед бывшей хозяйкой. Бывали моменты, когда остановить шалунишку могло только одно слово. Когда Мазаю лечили ухо, то часто его повторяли. Оно стало для зайца символом боли. Стоило громко крикнуть «Ухо!», как косоной на полчаса прятался под диван или клетку.

Как-то директор станции позвонила Полине Ивановне: «Ваш Мазай оказался самкой, она беременна и скоро у нее будут детки». Так Мазай превратился в зайчиху Мазайку.

Мазайка привела трех очаровательных зайчат. Но постепенно долгие поездки стали для тети Поли мучительными из-за сильной боли в суставах.

Однажды весенним днем ей позвонили из станции с просьбой разрешить переезд Мазайки в одно из районных лесничеств. Там разводили зайцев и расселяли молодняк в охот-

ничьих угодьях. Полина Ивановна согласилась с одним условием – Мазайку на волю не отпускать. Она считала ее слишком одомашненной и не способной к самостоятельной жизни.

Но заячьи судьбы замысловаты и запутаны, как и их следы на снегу.

Весной во время гона Мазайка убежала из питомника. Видимо, зов рожденных свободными сильнее сытой, но скучной жизни в клетке. Тем, кто чувствует землю кожей лап, а не подошвами и шинами машин, сухая кора в зимнем лесу дороже базарной морковки.

Шрек

Эта история произошла в ту волшебную ночь, когда в наши души возвращается детство, и каждая новогодняя минута наполнена ожиданием чудес. Удивительно, но иногда они случаются. И не только с людьми.

Как-то мой сердобольный друг подобрал на рынке мохнатого щенка и принес на станцию техобслуживания, в которой работал. Песика назвали Шреком за невероятно сильный собачий запах и какое-то особенное выражение глаз. Так безродная дворняжка пополнила внештатный список сторожей автосервиса, а жены механиков немного увеличили обеденные тормозки своих супругов.

В последний день декабря работники станции прилично выпили и один из них по имени Сергей решил сделать новогодний сюрприз жене – подарить собаку. Выбор пал на Шрека. Молодой, еще и года нет, умный и приветливый, всеобщий любимец станции. Вот только запах...

Сергей жил неподалеку и в тот же вечер мохнатые лапы Шрека осторожно засемили по ковровой дорожке коридора нового хозяина. А хозяин решил показать Шреку его новое место жительства, обойдя с собакой все комнаты квартиры.

Когда пес проходил мимо лежащей парализованной тещи, женщина зашмыгала носом и, медленно открыв глаза, с удивлением вытаращилась на лохматую морду.

После недавно перенесенного инсульта она не могла говорить, но Сергей все понял. Через несколько минут он купал Шрека под душем в ванной комнате. С хмельного ума решив заодно улучшить прическу кандидата в новые члены семьи.

По всем законам новогоднего жанра в это время должна появиться жена. И она не замедлила прийти, войдя в дом в прекрасном настроении после празднования наступающего Нового года в коллективе парикмахерской, в которой она работала.

– Какой чудный запах! Серж, неужели ты приготовил на подарок французские духи? – Аля быстро сняла сапоги и открыла рот от удивления.

Из ванной навстречу хозяйке робко семенило странное существо. На обвислых клоках мокрой шерсти пузырился шампунь, медленно стекая с еще не обстриженного бока на ковровое покрытие. За ним из ванной появился Сергей с ножницами в руках. Шрек завилял хвостом и сделал коронную стойку, которой научили его работники станции.

– Что ЭТО? – изумленная женщина обратилась к мужу, попеременно указывая то на Шрека, то на пенящуюся лужицу под ним, – и, не дожидаясь ответа, рывком открыла дверь ванной.

Белоснежность кафельной плитки и эмали нарушали мокрые кольца собачей шерсти по всему периметру санузла.

– Ты купал эту шавку в моем шампуне? Да ты представляешь, сколько он стоит? Я им голову на большие праздники мою. Совсем сдурел, пьяница. Завтра же залезешь в свои подкожные и купишь новый шампунь не хуже этого, – женщина взяла в руки полупустой флакон и шумной струей воды смыла с него прилипшую шерсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.